ныя стихіи жизни, въ животные и растительные процессы жизни [1]), но и въ его религіозно-нравственной проповѣди. Л. Толстой проповѣдуетъ возвышенный, моралистическій матеріализмъ, животно-растительное счастіе какъ осуществленіе высшаго, божественнаго закона жизни. Когда онъ говоритъ о счастливой жизни, нѣтъ ни одного звука у него, который хотя бы намекнулъ на жизнь духовную. Есть только жизнь душевная, душевно-тѣлесная. И тотъ же Л. Толстой оказывается сторонникомъ крайней духовности, отрицаетъ плоть, проповѣдуетъ аскетизмъ. Его религіозно-нравственное ученіе оказывается какимъ-то небывалымъ и невозможнымъ, возвышенно-моралистическимъ и аскетическимъ матеріализмомъ, какой-то спиритуалистической животностью. Сознаніе его задавлено и ограничено душевно-тѣлеснымъ планомъ бытія и не можетъ прорваться въ царство духа.

И еще толстовская антиномія. Во всемъ и всегда поражаетъ Л. Толстой своей трезвостью, разсудочностью, практицизмомъ, утилитаризмомъ, отсутствіемъ поэзіи и мечты, непониманіемъ красоты и нелюбовью, переходящей въ гоненіе на красоту. И этотъ непоэтическій, трезво-утилитарный гонитель красоты былъ однимъ изъ величайшихъ художниковъ міра; отрицавшій красоту оставилъ намъ творенія вѣчной красоты. Эстетическое варварство и грубость соединялись съ художественной геніальностью. Не менѣе антиномично и то, что Л. Толстой былъ крайнимъ индивидуалистомъ, антиобщественнымъ настолько, что никогда не понималъ общественныхъ формъ борьбы со зломъ и общественныхъ формъ творческаго созиданія жизни и культуры, что отрицалъ исторію, и этотъ антиобщественный индивидуалистъ не чувствовалъ личности и, въ сущности, отрицалъ личность, весь былъ въ стихіи рода. Мы увидимъ даже, что съ отсутствіемъ ощущенія и сознанія личности связаны коренныя особенности его міроощущенія и міросознанія. Крайній индивидуалистъ въ „Войнѣ и мирѣ“ съ восторгомъ показалъ міру дѣтскую пеленку, запачканную въ зеленое и желтое, и обнаружилъ, что самосознаніе личности не побѣдило въ немъ еще родовой стихіи. А не антиномично-ли то, что отрицаетъ міръ и міровыя цѣнности съ невиданной дерзостью и ради-

[1]) Мережковскій даже назвалъ Л. Толстого „ясновидцемъ плоти“. Въ этомъ есть большая правда, хотя само выраженіе носитъ слѣды ограниченной схемы Мережковскаго. Я бы предпочелъ сказать, что Толстой ясновидецъ душевно-тѣлесной сферы бытія.